

ПОСЛАНИЕ ДВОРЯНИНА К ДВОРЯНИНУ

Благих подателю и премудрому наказателю, нашего убожества милосерде
взыскателю и скуднаго моего жителства присносущу питателю, государю моему имярек
и отцу имярек, жаданный видети очес твоих светло на себя, яко же преже бе не сытый
зримаго и многоприятнаго милосердия твоего Фуников Иванец, яко же прежней рабец,
греха же моего ради яко странный старец.

Вожделен до сладости малаго сего писанейца до твоего величества и благородия,
не простирает бо ся сицево писанейцо за оскудение разума моего и за злу фортону сердца
моего. Точию рех ти: буди, государь, храним десницею вышнаго параклита.

А по милости, государь, своей, аще изволишь о нашем убожестве слышати, и я,
милостию творца и зижителя всяческих, апреля по 23 день, по-видимому, в живых, а
бедно убо и скорбно дни пребываю, а милосердия твоего, государя своего, всегда не
забываю. А мне, государь, тулские воры выломали на пытках руки и нарядили, что крюки,

да вкинули в тюрьму, и лавка, государь, была уска,
и взяла меня великая тоска,
а послана рогожа, и спать не погоже.
Седел 19 недель, а вон ис тюрьмы глядел.
А мужики, что ляхи, дважды приводили к плахе,
за старые шашни хотели скинуть з башни.
А на пытках пытаются, а правды не знают,
правду-де скажи, а ничего не солжи.
А яз име божился и с ног свалился и на бок ложилеся:
«Не много у меня ржи, нет во мне лжи,
истинно глаголю, воистинну не лжу».
И они того не знают, болши того пытаются.
И учинили надо мною путем, мазали кожу двожды кнутом.
Да моим, государь, грехом недуг не прилюбил,
баня дурна да и мовник глуп,
высоко взмахнул, тяжело хлыснул,
от слез добре велик и по ся места болит.
Прикажи, государь, чем лечить,
а мне, государь, наипаче за тебя Бога молить,
что Бог тебя крепит, дай, Господи, и впредь так творит.
Да видех, государь, твоего, государя моего
имярек, рукописание, прослезихся,
и крепости разума твоего удивихся,
а милосердия твоего у князя Ивана рыбою насладихся,
и Богу моему за тебя, государя моего, помолихся.
Да от сна вставая и спать ложась, ей-ей всегда то ж сотворяю.

А тем, государь, твое жалованье платить,
что за тебя Бога молить, да и всяк то говорит: добро-де он так творит.
Да писал бы, государь, немало,
да за великой смуткой разума не стало.
Приклоних бо главу свою до земля,
рех ти: здравствуй, государь мой, о Христе. Аминь.
Да немало, государь, лет,
а разума нет, и не переписать своих бед.
Розван, что баран, разорен до конца, а сед, что овца.
Не оставили ни волосца животца, и деревню сожгли до кола.
Рожь ратные пожали, а сами збежали.
А ныне воистинну живем в погребнице и кладем огнище,
а на ногах воистинну остались одне голенища, и обились голенища.
Зритель, государь, сердцам Бог: не оставили шерстинки,
ни лошадки, ни коровки, а в земли не сеяно ни горстки.
Всего у меня было живота корова,
и та не здорова.
Видит Бог — сломило рог.
Да Бог сердца весть — нечего есть.
Велел Бог пожить и не о чем тужить.
А я тебе, государю моему, преступя страх,
из глубины возвах, имя господне призвах,
много челом бью.

А о скорбех постигших нас не вем, что изреши. Зрение нас устрашает, но мню, и стихия нам зболезнует. Не единех бо нас постигоша злая, но и всю страну нашу. Земля, юже видел еси благу и населенну, узриши ея опустену и напоену кровми святых: пролияша бо ся крови подобно дождеви, и вместо пшеница возрастоша нам терния. Узриши церковь Божию сетуюшу и дряхлуюшу и яко вдову совлечену, красота бо ея отята бысть иноплеменными, паче же нашими воставшими на нас, Богу тако изволшу. И узриши грады разорены и пожжены, вдовы и старии сетующа и голодом таемы, середняя ж и невесты возхищени и обоимани руками чужих, и младенцы раздробляемы, и самый той царствующий град, яко шипок красен зимою, противными нашими померзаем. Превосходит бо плач наш паче Вифлеемскаго плача, тамо бо токмо едины младенцы убиваемы бываху и се число прииде, zde же старии и совершении умом и боголепным образом и юннии леты и образом и всяк возрасте не пощаден бысть. Превосходит воистинну и Херсонскаго Устиниянова убиения: тамо бо токмо един град страдаше, zde же не мала часть вселенная в запустение положишь.

Не прогневайся, что не все беды и разорения пишу, не бо уме мой постигнути или писанию предати возможете, да и тебе скорбь на скорбь не наложу. Твоя ж и моя вся взята быша без останка.